

Долго глядѣлъ Жоржъ на зеленую, движущуюся чашу, въ которой скрылась Леночка. Потомъ трагически произнесъ:

— Все кончено!..—и въ голосъ его сквозь обычную напыщенность слышалось настоящее горе.—Все кончено! Прощай, Офелія... будь счастлива!.. а бѣдный Гамлетъ,—онъ пойдетъ молиться...

И Жоржъ тихонько побрѣлъ изъ сада.

## XVI.

Май прошелъ. Отцвѣли яблони, вишни и терновникъ; ландыши завяли, но за то въ лѣсахъ зацвѣталъ шиповникъ, а въ поляхъ рожь и пшеница стали покрываться красноватою пылью. Приближался сѣнокосъ. Сочныя зеленыя травы поднялись чуть не въ ростъ человѣка; солнце начало припекать жарче.

Опять было чудное, благоухающее утро, и опять Володя ѣхалъ по паникской дорогѣ, между двумя движущимися стѣнами высокой пшеницы, уже начавшей пускать свои длинныя цѣпкіе усики. Среди ея густой зеленой чащи стрекоталъ невидимый хоръ кузнечиковъ, жучковъ и букашекъ, опьянѣвшихъ отъ благоуханій. Въ ближайшей березовой рощѣ куковала запоздалая кукушка. Но Володя не замѣчалъ этой, окружавшей его, красоты. Онъ весь ушелъ въ свои думы. Сегодня предстояло ему очень важное дѣло: онъ ѣхалъ дѣлать предложеніе Фирсихъ, и поэтому чувствовалъ себя въ очень приподнятомъ настроеніи духа. Онъ чувствовалъ себя, какъ полководецъ наканунѣ рѣшительнаго сраженія, — но полководецъ, вполне увѣренный въ томъ, что сраженіе будетъ выиграно. Въ этомъ Володя нисколько не сомнѣвался, и если чувствовалъ себя возбужденнымъ болѣе обыкновеннаго, то вовсе не потому, что боялся пораженія, а потому что, наконецъ, очутился на порогѣ къ осуществленію своихъ давнишнихъ и страстныхъ мечтаній. Да, вотъ сбылись, наконецъ, эти туманныя грезы, которыя тревожили его и тогда, когда онъ еще въ гимназическомъ мундирчикѣ танцевалъ на директорскомъ балу, и когда онъ, уже будучи студентомъ, сидѣлъ за лекціями въ своей убогой *chambre garnie*, прислушиваясь къ отдаленному грохоту широкой, праздною и блестящей столичной жизни. Великолѣпныя картины, одна за другою, развертывались предъ его мысленными очами. Чудились ему огромныя залы, золоченая мебель, блестящая толпа гостей, и онъ одинъ — центръ всей этой толпы. Предъ нимъ преклоняются, въ немъ заискиваютъ, его желанія исполняютъ